

ЛИТЕРАТУРА

1. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1967. С. 108.
2. Петражицкий Л. И. Иски о «незаконном обогащении» // Вестник права. СПб., 1900. № 1. Ч. 1. Т. X. С. 16-17.
3. Жюллио де ла Морандьер Л. Гражданское право Франции. М., 1960. Т. 2. С. 488-492; Саватье Р. Теория обязательств. М., 1972. С. 370-371.
4. Саватье Р. Указ. соч. С. 371.
5. Русское гражданское право (в двух частях, часть вторая). По исправленному и дополненному восьмому изданию 1902 г. М., 1997. С. 154.
6. Там же. С. 155.
7. Гуляев А. М. Русское гражданское право. СПб., 1912. С. 386-387.
8. Ленский. Вознаграждение за вред и убытки и незаконное обогащение (сборник сенатской практики с 1866-1914 гг.). СПб, 1914. С. 23.
9. Законы гражданские (Свод законов Российской империи. Ст. 574. Ч. 1. Т. X. Изд. 1914 г., по Прод. 1914 г.) со включением узаконений, последовавших в порядке 87 статьи. осн. зак. и разъяснений Правительствующего Сената с 1866 г. по 1 октября 1915 г. / Сост. В. В. Исаченко. Петроград, 1916. С. 199.
10. Розенблюм В. Иски из неправомерного обогащения в практике Сената. М., 1989. Т. 1. Кн. 2. С. 290.
11. Полетаев Н. Иски из незаконного обогащения // Журнал гражданского и уголовного права. 1892. Кн. 3. С. 46.
12. Розенблюм В. Указ. соч. С. 293.
13. Шершеневич. Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 1995. С. 403-406.
14. Слесарев А. В. Обязательства вследствие неосновательного обогащения: Дис. ... канд. юрид. наук. На правах рукописи. Екатеринбург, 2000. С. 63.
15. Законы гражданские ... С. 212.
16. Гражданское Уложение. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского Уложения. Т. II. СПб., 1907. С. 258.
17. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 2: Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / Ред. О. М. Козырь, А. Л. Маковский, С. А. Хохлов. М., 1996. С. 596.
18. СУ.1922. № 71. С. 904, принят 31.10.22 г.
19. Постановление Верховного Совета СССР «О введении в действие Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик» от 31.05.91 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 26. Ст. 734.

*Людмила Мильтоновна ВОЛОДИНА –
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики
Института государства и права,
кандидат юридических наук*

УДК 343. 13

ИНСТИТУТ ПРИМИРЕНИЯ СТОРОН В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются проблемы защиты прав личности в сфере уголовного судопроизводства.

The article deals with the problems of personality rights defense in the criminal judicature.

Отказ от осуществления уголовного преследования в случае примирения потерпевшего с подозреваемым или обвиняемым — один из известных уголовно-процессуальных институтов, существующих во многих странах Европы и Америки. Следует заметить при этом, что традиционный институт, известный странам, где существует

англо-саксонская правовая система, в нашей стране не обрел достаточно четких форм.

Статья 9 УПК РСФСР, в прошлом регламентирующая прекращение уголовного дела в связи с передачей виновного на поруки, ныне претерпела кардинальные изменения, ее содержание полностью изменено. Возможность прекращения уголовных дел по так называемым нереабилитирующим основаниям на стадии предварительного расследования на протяжении действия этого института всегда вызывала дискуссии, которые то затихали, то вновь возобновлялись.

Вынесение постановления о прекращении уголовного дела означает прекращение уголовно-процессуальных отношений, влечет устранение правомочий на дальнейшее производство по делу и прекращение обязанностей лица, в отношении которого велось уголовное дело. Статья 199 УПК РСФСР называет прекращение уголовных дел одной из форм окончания предварительного расследования. Своеобразие прекращения уголовного дела как формы окончания предварительного расследования заключается в том, что уголовное дело завершается разрешением по существу в досудебной стадии, не получая дальнейшего движения, если не последует обжалования и отмены постановления о прекращении уголовного дела. Таким образом, поскольку основания прекращения не реабилитируют правонарушителя, органы предварительного расследования выступают в этом случае в роли субъекта, принимающего решение о виновности лица.

Изменения в регламентации института прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям (ст. 6–9 УПК), последовавшие за принятием нового Уголовного кодекса, и принятое Конституционным Судом РФ постановление «По делу о проверке конституционности ст. 6 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина О. В. Сушкова», признавшее непротиворечивость этого института Конституции Российской Федерации, должны были снять многие проблемы. Однако приходится констатировать, что при применении данных норм существует немало неразрешенных вопросов.

Обобщение материалов практики показало: за 1997 год по ст. 9 УПК органами прокуратуры г. Тюмени прекращено 1,8 % уголовных дел от общего числа прекращенных производств на стадии предварительного расследования, в 1998 году органами прокуратуры по этому основанию не прекращено ни одного уголовного дела. Следователями органов внутренних дел г. Тюмени по названному основанию прекращено в 1997 году 24,5 % дел от общего количества прекращенных, а органами дознания города — половина всех прекращенных производств. Между тем механизм применения ст. 9 УПК в ныне действующей редакции не отрегулирован. Известно, что уголовно-процессуальное право призвано устанавливать порядок (процедуру) производства по делу, между тем ст. 9 УПК, повторяя норму материального права (ст. 76 УК РФ), не определяет ни условия, ни сроки, ни правила оформления прекращения дела, ни порядок уведомления заинтересованных в исходе дела лиц. Не регламентирована уголовно-процессуальным законом и сама процедура примирения сторон. Не разрешает проблемы и проект УПК РФ, принятый в первом чтении Государственной Думой. Статья 31 проекта, по сути, повторяет содержание ст. 76 УК РФ, определяя лишь круг субъектов, наделенных правом принятия решения о прекращении уголовного дела по этому основанию.

Прекращение уголовного дела вследствие примирения сторон в рамках уголовно-процессуального закона до принятия последних изменений осуществлялось лишь в тех случаях, когда оно возбуждалось в соответствии со ст. 27 УПК по жалобе потерпевшего. Закон в этой части не изменен, но статьей 76 УК РФ введен, по существу, новый институт освобождения от уголовной ответственности. Законодатель, изменив содержание ст. 9 УПК, расширил тем самым круг составов преступлений,

по которым производство может быть окончено примирением. Прекращение уголовного дела по этому основанию возможно при наличии ряда условий, оговоренных материально-правовой нормой. В соответствии со ст. 76 УК РФ лицо может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно, во-первых, совершило преступление небольшой тяжести, во-вторых, совершило преступление впервые, в-третьих, загладило причиненный вред и примирилось с потерпевшим. Соблюдение всех названных условий является жестким требованием закона. Отсутствие хотя бы одного из них делает невозможным прекращение дела за примирением сторон.

Примирительная модель процедуры в уголовном судопроизводстве дает немало преимуществ, и прежде всего потому, что позволяет устранить последствия преступления «бескровно», без применения мер уголовной репрессии, при максимальной экономии процессуальных средств. Однако отсутствие четкой законодательной регламентации процедуры примирения влечет бесконтрольность применения ст. 9 УПК. Поучительна в связи с этим мысль, высказанная В. М. Савицким: «Удивляет только одно: почему свидетельством небольшой общественной опасности лица по этой категории дел публичного обвинения выступает примирение о б в и н я е м о г о с потерпевшим, а не наоборот? Ведь испокон веков оценка именно потерпевшим действий и личности обидчика и его, потерпевшего, согласие простить обвиняемого, примириться с ним служили первоочередным условием прекращения дела» [1].

Анализ уголовных дел, прекращенных по данному основанию органами предварительного расследования, настораживает. Из материалов дел совершенно неясно, соблюдены ли были при этом права потерпевшего, в каком объеме и в каком порядке удовлетворены его законные притязания. Трудно в этом случае установить и возможные случаи шантажа потерпевшего и принуждения его к примирению. Правоприменитель, принимая решение о примирении сторон, как свидетельствует практика, не проявляет при этом каких-либо активных действий, направленных на защиту прав потерпевшего. Не ясно, каким образом удостоверяется факт возмещения причиненного вреда. Прояснить сложившуюся на практике ситуацию не представилось возможным. На вопрос о том, есть ли жалобы потерпевших, чьи законные интересы не были удовлетворены, следователи и лица, производящие дознание, отвечают: «Никто ни на что не жалуется». Попытка выяснить этот вопрос в прокуратуре также не удалась: отдельной статистики по жалобам потерпевших по этому основанию прекращения уголовных дел не ведется.

Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон производится, как правило, на основании заявления потерпевшего о том, что он не имеет каких-либо претензий к другой стороне. В соответствии со ст. 76 УК РФ и ст. 9 УПК лицо, в отношении которого дело прекращается производством, должно загладить причиненный вред. Неурегулированность процедуры принятия решения настораживает и потому, что процессуальное положение сторон не всегда определено: с точки зрения закона, они не являются участниками процесса до возбуждения уголовного дела. Известно между тем, что решение о примирении принимается и до возбуждения уголовного дела. Сложившаяся ситуация упирается в имеющееся в российском уголовном процессе противоречие: существование стадии возбуждения уголовного дела и неопределенность статуса лиц на этой стадии до принятия решения о начале производства по делу.

В юридической литературе существует несколько предложений относительно процедуры примирительного производства по уголовному делу. Например, обосновывая один из вариантов примирительной процедуры, Х. Ц. Рустамов смешивает два самостоятельных (действующих в странах с англо-саксонской системой права и в некоторых государствах континентальной Европы) института: практику догово-

ренности о признании вины (сделки) и института примирения сторон, предлагая своеобразную процедуру примирения на основе соглашения о признании вины [2].

Практика признания вины, именуемая чаще «сделкой о признании вины», распространена в федеральной системе и в системах штатов США. Отношение к ней в юридических кругах США и странах Европы неоднозначно. Национальная консультативная комиссия по разработке стандартов и целей правосудия, действующая в США, оценив практику подобного рода сделок как противоречащую закону и нормам нравственности, рекомендовала исключить ее. Одновременно другие специалисты настаивают на ее признании и закреплении в виде твердых процессуальных правил [3], считая, «что если рассматривать дело каждого обвиняемого в совершении преступления в идеальном судебном процессе, то для этого нет достаточного количества судей, залов судебных заседаний и обвинителей (не говоря уже об оплачиваемых адвокатах). По данной причине в 1972 году «суд Бергера» (большинством в четыре голоса против трех) постановил, что обвинитель не может признать виновность лица и затем просить о более тяжком наказании, чем то, на которое он ранее согласился» [4].

Ратуя за внедрение практики «сделки с правосудием», сторонники этих предложений апеллируют к тому обстоятельству, что «де-факто договорные отношения между подозреваемыми и обвиняемыми, их защитниками, с одной стороны, и с органами правопорядка, с другой стороны, реализуется давно и повсеместно... Однако делается это по наитию, нелегитимно, на свой страх и риск, балансируя на грани законности, а то и переступая ее...» [5]. В трудах некоторых ученых утверждается, что формы таких соглашений не противоречат целям и принципам действующего законодательства, при этом приводятся и соответствующие примеры. Так, В. Лазарева, доцент Самарского государственного университета, в подтверждение своей мысли приводит следующий пример: С., обвинявшийся в квалифицированном злоупотреблении служебным положением и открытом похищении чужого имущества при отягчающих обстоятельствах, вину не признавал, отрицая применение насилия и противоправность завладения деньгами потерпевшего. Фактически доказательств его вины, кроме показаний потерпевшего, не было, поскольку изъятие вещественных доказательств было произведено с нарушением норм УПК. Потерпевший не смог явиться в судебное заседание по причине, не исключающей возможность его явки в суд (отсутствие денежных средств для проезда с его нового, весьма отдаленного места жительства). Оглашение показаний в суде, таким образом, было невозможно. Рассмотрение дела в отсутствие потерпевшего могло закончиться только оправдательным приговором, а отложение разбирательства грозило надолго отсрочить завершение дела.

До начала судебного разбирательства прокурор и защитник обратились к судье с согласованной позицией, состоявшей в изменении прокурором обвинения на более мягкое, не содержащее квалифицирующих признаков и отягчающих обстоятельств, с одной стороны, и в признании подсудимым вины в таком уменьшенном объеме — с другой. Суд постановил обвинительный приговор в соответствии с согласованной сторонами позицией. Цели правосудия, пишет автор, достигнуты, но и интересы подсудимого не пострадали [6]. Так ли это? Попытаемся разобраться.

Во-первых, следует четко оговориться относительно целей правосудия. Даже оставаясь на позициях ныне действующего уголовно-процессуального закона, следует, что приведенный пример не соответствует своему назначению. Если целью правосудия считать, в соответствии со ст. 2 УПК, изобличение виновного, обеспечение правильного применения закона, справедливое наказание преступника, то становится очевидным: ни одна из названных задач (целей) не была достигнута. Виновный, с точки зрения материального права, не был изобличен до конца, поскольку не были с достоверностью раскрыты в судебном следствии квалифицирующие призна-

ки, являющиеся составной частью объективной стороны, не были предметом исследования отягчающие обстоятельства. Из всего сказанного вытекает, что наказание, вынесенное судом, было несправедливым. Во-вторых, если все же принять за конечную цель правосудия защиту прав личности, то совершенно очевидно, что правосудие в этом случае «сработало вхолостую», поскольку нет данных о возмещении вреда потерпевшему, о восстановлении его нарушенных прав. В-третьих, едва ли принятое решение утвердит виновного, как, впрочем, и иных граждан в мысли о справедливости российского правосудия: «закон, что дышло...» Наконец, интересно было бы проследить за движением этого уголовного дела. Ведь потерпевший вправе обжаловать принятое решение, а вышестоящий прокурор опротестовать его.

В российской юридической печати существуют и иные предложения, направленные на совершенствование института примирения сторон. Одним из них, наиболее интересным, представляется предложение Р. Максудова, М. Флямера и А. Грасенковой, по существу, представивших оригинальную и, думается, продуктивную разработку комплексно-социального подхода для разрешения проблем защиты прав граждан, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. По мнению авторов, «созданию такой комплексной социальной технологии, как примирение, в уголовном процессе мешают сегодня существующие критерии оценки деятельности правоохранительных органов, неразработанность технологических процедур и соответственно форм их правового обеспечения и закрепления» [7]. Институт примирения сторон рассматривается авторами как предпосылка для развития начал восстановительного правосудия в противовес действующему — карательному. Глубоко аналитический и многоаспектный подход к разрабатываемой идее смешанного государственно-общественного института примирения в уголовном процессе как одного из элементов восстановительного правосудия, безусловно, перспективен. Вместе с тем, учитывая сложность и многоплановость предлагаемого варианта решения рассматриваемой проблемы, а также тяжеловесность законодательной машины, отсутствие возможностей государственного финансирования, а также развитых общественных институтов, перспектива эта представляется достаточно отдаленной. Сложившееся же положение вещей требует скорейшего законодательного урегулирования процедуры примирения, что совершенно невозможно сегодня с позиции разрабатываемой авторами комплексно-социальной технологии, требующей создания специальных служб.

Выходом из создавшегося положения может быть изменение содержания статьи 9 действующего УПК, оно не может быть простым повторением нормы материального права. Ее содержание должно быть дополнено правилами, четко определяющими процессуальный порядок прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон. Смысл процедуры примирения заключается в разрешении конфликта, квалифицируемого законодателем как преступление, на удовлетворение требований потерпевшего, возмещение ущерба, причиненного преступным деянием. Структура и содержание этой нормы могут быть представлены следующим образом:

«Суд (судья), прокурор, а также следователь и орган дознания с согласия прокурора вправе в соответствии со ст. 76 УК РФ прекратить производство по уголовному делу в случае примирения сторон, если потерпевший отказывается от уголовного преследования лица, совершившего преступление, а **обвиняемый** впервые совершил преступление небольшой тяжести и загладил причиненный потерпевшему вред.

Потерпевший имеет право отказаться от уголовного преследования лица, совершившего преступление. Отказ может быть оформлен подачей соответствующего письменного заявления. Одновременно потерпевший вправе изложить в письменном виде свои требования о возмещении причиненного ему материального и морального вреда. Лицо, осуществляющее производство по делу, обязано разъяснить участникам примирительной процедуры их права и обязанности в связи с прекращением

производства по делу, последствия соглашения о примирении, а также принять меры к обеспечению возмещения вреда.

Процедура примирения осуществляется в месте производства по делу под контролем и при участии лица, производящего дознание, следователя, прокурора или судьи. В процедуре примирения могут принимать участие защитник и представители сторон.

В случае достижения сторонами договоренности о примирении, судья, прокурор, следователь и орган дознания составляют письменное соглашение сторон о примирении. В соглашении фиксируется разъяснение прав участникам примирительной процедуры, удостоверяется факт возмещения причиненного вреда, достижения договоренности о примирении, а также указываются последствия принятого решения.

Процедура соглашения о примирении завершается вынесением постановления о прекращении уголовного дела. Постановление может быть обжаловано заинтересованными лицами в суд в установленном законом порядке» [8].

Представляется, что решение вопроса о примирении сторон возможно только после привлечения лица в качестве обвиняемого, поскольку только в акте обвинения может быть решен достаточно четко вопрос об инкриминируемом ему деянии, характере и размере причиненного преступлением вреда. Выполнение этого требования обязательно в силу предписаний ст. 68 УПК. Подкреплением этого вывода является и анализ практики прошлых лет, в пору существования института прекращения уголовных дел в связи с передачей материалов дела на рассмотрение обществу и передачей лица, совершившего преступление, на поруки. Сравнение двух вариантов практики прекращения уголовных дел по этим основаниям (с привлечением в качестве обвиняемого и без такового) свидетельствует о том, что с позиции соблюдения прав личности первый вариант предпочтительнее. Лицо, привлеченное в качестве обвиняемого, наделяется соответствующим комплексом прав, что позволяет ему в полном объеме реализовать свои возможности и законные интересы. Смысл института прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон состоит в достижении целей судопроизводства при минимальной затрате процессуальных средств, но не в ущерб правам и законным интересам участников уголовного процесса, в упрощении уголовно-процессуальной формы, но не в упрощенчестве. Нельзя рассматривать акт привлечения лица в качестве обвиняемого в случае прекращения дела по нереабилитирующим основаниям, как считают некоторые следователи, ненужной формальностью, связанной с дополнительной тратой времени. Количество нарушений, связанных с неполнотой установления обстоятельств дела, находится также в прямой зависимости от того, привлекалось ли лицо в качестве обвиняемого. Не следует при этом отбрасывать в сторону и воспитательный момент.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савицкий В. М. Последние новеллы УПК: прекращение уголовного дела, состав суда, подсудность, подследственность // Российская юстиция. 1997. № 4. С. 19.
2. Рустамов Х. Ц. Уголовный процесс: Формы. М., 1998. С. 147-152.
3. Боботов С. В., Жигачев И. Ю. Введение в правовую систему США. М., 1997. С. 191.
4. Джинджер Энн Ф. Верховный Суд и права человека в США. М., 1981. С. 182.
5. Образцов В. А. Выявление и изобличение преступника. М., 1997. С. 201.
6. Лазарева В. Легализация сделок о признании вины // Российская юстиция. 1999. № 5. С. 40-41.
7. Максудов Р., Флямер М., Грасенкова А. Институт примирения в уголовном процессе: необходимость и условия развития // Уголовное право. 1998. № 1. С. 68.
8. См.: Володина Л. М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Тюмень, 1999. С. 145-159.